К 100-ЛЕТИЮ КОМСОМОЛА

«Вот моя биография»

29 октября исполняется 100 лет со дня зарождения самой массовой в истории нашей страны молодежной организации – комсомола. Это если брать в общероссийском масштабе. Если же брать в границах Южного Зауралья, собственно Курганской области, то такая годовщина, строго говоря, наступит только в будущем году. Ибо первые местные отделения, ячейки комсомола появились в нашем крае во второй половине 1919 г., т.е. в ходе и сразу после изгнания отсюда Красной Армией белогвардейских войск.

Кто они, комсомольцы первого призыва?

Многим из них судьбой был отпущен короткий век. В их числе были и первые комсомольцы из Шмаковской, Верх-Суерской и Марайской волостей, земли которых целиком либо частично находятся теперь в составе Варгашинского района. В 1921 г., в пору антикоммунистического восстания, гнев повстанцев обрушился и на представителей молодежного резерва этой партии – членов Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ). Например, в феврале 1921 г. погибли комсомольцы Павел Нечаев и Павел Зырянов из Верх-Суерской волости, причем последний являлся комсомольским вожаком – секретарем волостного комитета комсомола (волкомола). В том же феврале оборвалась жизнь Шешина, 22-летнего организатора комсомольской ячейки в д. Россия-Молотово Марайской волости (ныне с. Яблочное). Но в этой волости он стал не единственной жертвой восставших. Трофим Ильич Коробицын, сам ветеран зауральской комсомолии, в своих воспоминаниях со ссылкой на архивный документ сообщил: «В Марайской волости из 86 в живых осталось только 11 человек, остальные погибли. В числе их погиб и секретарь волкома комсомола тов. Гарусенко». И далее продолжил скорбный перечень: «В Шмаковской волости смертью храбрых пали комсомольцы Волосников Павел, Аникин Артемий, Кузнецов Степан и другие».

Немало комсомольцев приняло участие в подавлении восстания. О ряде членов РКСМ, уцелевших в тех суровых событиях, можно узнать из их собственноручных автобиографий, написанных еще в 1922 г. Сейчас они хранятся в бывшем партийном архиве, ныне Государственном архиве общественно-политической документации Курганской области.

Сегодня мы публикуем 3 автобиографии комсомольцев, которые участвовали в деятельности комсомольских ячеек на территории будущего Варгашинского района (не забудем, что район образуется только в 1924 г.). В нескольких строчках отразились наиболее существенные моменты и события в жизни еще совсем юных людей. Порой выходило не очень складно в смысле слога. Но не стоит это ставить им в вину. Ведь надо помнить, что за плечами первых комсомольцев чаще всего оказывалась лишь начальная школа. Зато все они мечтали о продолжении учебы.

Как же сложилась дальнейшая судьба тех, кто в марте 1922 г. изложил свои биографии? Увы, ответов на этот вопрос на сегодня нет. Но ведь мы, современники, знаем, с какими испытаниями пришлось столкнуться молодому поколению 1920-х в ближайшие два десятилетия – в 30-ые и 40-ые годы. Прислушаемся же теперь к голосам юных земляков из уже далекого прошлого.

При публикации в текст документов внесены некоторые исправления стилистического характера.

Автобиография секретаря ячейки РКСМ коммуны «Процвет» Сычевской волости Курганского уезда

Я сын крестьянина Тобольской губернии, отец мой занимался до Октябрьской революции хлебопашеством. Я, достигнув восьми лет, стал отцу помогать сельскохозяйственную домашнюю работу, а с девяти лет поступил в сельскую одноклассную школу, которую окончил через три года, прошел четыре отделения. Во время Колчака занимался хлебопашеством и жил дома. А когда красные прогнали Колчака до ст. Мамлютка, а потом (белые – Н.Т.) опять стали наступать на Курган, то я отступил с красными за Тобол. Когда Советская власть заступила, то я поступил в Сычевский волисполком делопроизводителем с 1 октября 1919 года и прослужил до 23 марта 1921 г. По вступлении моем в Союз Молодежи 21 марта 1920 года все время работал секретарем ячейки Союза Молодежи, а к вступлению в Союз меня повлекло желание учиться, а больше всего стремление к коммунизму. В дальнейшем времени желаю работать в политической просветительной работе Союза Молодежи.

18/ III – 22 г. А. Иванов.

Автобиография секретаря Сычевского волкомола Могильникова Якова

Я сын крестьянина. Отец с матерью занимались крестьянством. Когда я подрос, я помогал им. Членом РКСМ (состою – Н.Т.) с 21 марта 1920 г. и в партии состою с 30 января 1921 года. Союзные обязанности исполнял таковы: с 1920 года с 15 июля командирован был в губпартшколу; кончив таковую, в сентябре того же года был командирован в Миасс для работы среди юношеских организаций, после чего работал в Введенском райкоме с 1 апреля 1921 года; с 4 сентября 1921 года был избран в уком, после чего был командирован в ноябре месяце в Саломатовский райком; в феврале месяце 1922 года был отозван в уком, после чего пошел добровольцем на курсы Балтфлота и возвращен обратно ввиду опоздания. 20 марта 1922 г. был избран в волком, в каковом работаю в настоящее время.

Мои взгляды на союзную работу таковы: при настоящих трудных условиях углубительную работу вести невозможно, работать желаю ближе к своей местности, потому что бываю обеспечен в продовольственном отношении из дома.

Желаю ехать на какие-либо курсы.

Вот моя биография.

25/ III – 22 г. Могильников.

Автобиография секретаря Марайского волкомола Андреева Александра

Я родился в 1903 году в деревне, мои родители занимались крестьянством.

С 7-ми лет меня отдали в сельшколу, которую я окончил, затем меня хотели отдать в высшее начальное (училище – Н.Т.), но так как мой отец был взят на военную службу, и с 1914 года по 1917 я жил дома и занимался крестьянством. В 1917 году, когда мой отец вернулся домой, я поступил в высшее начальное училище.

В 1920 году я вступил в РКСМ и в этом же году был командирован в губпартшколу, откуда по окончании был послан в Марайский райком, где и служил секретарем до ликвидации райкомола, но сразу же по приезде в Марайский райком во время восстания 1921 г. был арестован бандой. За время работы она меня мало удовлетворяла, так как у меня есть стремление и способность учиться и в дальнейшем хотелось бы поехать или в Коммунистический университет (имени – Н.Т.) Свердлова, или в рабфак.

25. III. 22 года. А. Андреев.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ РАССКАЗЫВАЮТ

Хроника кабанской артели

(Продолжение. Начало в №24, 28)

Мастер и доверенный (коса и камень)

Но общаться напрямую к артели мастеру доводилось нечасто. Зато с доверенным он контактировал постоянно и практически каждый день. По этой линии только возрастало напряжение, а взаимопонимание падало, отношения обострялись. Подтверждением служит письмо-«заявление» Зверева от 20 апреля. В нем он рассказал, что 12 бочек масла Кабанской артели в контору заграничного экспортера Эмиля Йорда были проданы как 3-й сорт по 10 руб. 40 коп за пуд, тогда как за масло 1-го сорта платили не выше 10 руб. 60 коп. Это по возвращении из Кургана объяснил доверенный Шумилов, в обязанности которого входила продажа масла. Но мастера Зверева такая оценка его трудов сильно задела и показалась несправедливо заниженной. Ведь за 1-й сорт, как известно, мастеру доплачивали сверх годового жалованья, словом, премировали. Зверев еще допускал, что изготовленная им партия масла могла быть понижена до 2-го сорта. К тому же небольшая разница между 1-м и 3-м сортом, всего на 20 коп., породила в нем сомнение. А главное – он заподозрил в недобросовестности доверенного. По всей вероятности, полагал мастер, доверенный настоял на оценке масла 3-м сортом, «потому как со стороны Артели ему была нажимка из-за ледника, пробрали его, что не заботится следить за порядком».

В пылу неприязни доверенный, по утверждению Зверева, заявлял намерение отказаться от своей должности или убрать мастера. Но «сам не сменился и мастера не убирает, а постарался мастеру сделать вред». Чтобы разобраться и внести ясность в инцидент с проданной партией масла, Зверев попросил Балакшина «назначить комиссию на эту партию», т. е. сделать переоценку.

К нерасторопности доверенного в деле сохранности льда в леднике добавилось еще его сопротивление ремонту заводского помещения даже вопреки настояниям артельщиков. Доверенный гнул свою линию: «Он соберет сход, начнет отговаривать, что получим лишнюю копейку за молоко, если не израсходуем» на ремонт. А меж тем из подполья, не очищенного от навоза, уже доносится сквозь дырявый пол зловоние. Кажется, и артельщики начинают осознавать свою промашку с выбором доверенного. По уверению Зверева, они говорят: «На что такого нерачителя избрали, у него свое хозяйство не правится, как следует, в ограде не метется, в дому не моется, подобно инородцу, а теперь он с нами и говорить не хочет».

С наступлением лета проблем не уменьшилось, но к летней поре относится всего одно письмо от 24 июня. На приглашение Балакшина представить масло Кабанского завода для выставки мастер, как бы этого ни желал, обещать не мог. Причиной тому был недостаток льда, так что мастер не знал, хватит ли его до 1 июля. «Когда лед кончим, то не знаю, чем будем поддерживать температуру в баках», где охлаждались сливки. «Когда лед совсем кончим, – завершал свое письмо Зверев, – то думаю работать некипяченой закваской, потому кипяченую охлаждать нечем. И прошу вас: посоветуйте, как мне при недостатках вести дело. Остаюсь в ожидании вашего разъяснения».

Но что именно ответил и присоветовал Балакшин, узнать теперь не представляется возможным. Неизвестно, сколько всего отправил Зверев сообщений Балакшину. Только последнее из сохранившихся относится уже к середине декабря 1904 г. Правда, чуть ранее, 7 декабря, он отправил письмо одному из помощников Балакшина – инструктору Е. А. Козловскому. Это письмо интересно тем, что в нем Зверев просит у Козловского содействия в урегулировании разногласий между Кабанской артелью и новообразованной Варгашинской артелью, сразу составившей конкуренцию частному заводу Мякинина. Стремясь к расширению, эта артель попыталась привлечь к себе крестьян из соседних Василков. Но там уже действовало отделение Кабанской артели. На этой почве возник конфликт. Кабанцы восприняли действия варгашинцев как подрыв своей артели. Представляя Козловскому некие «возражения варгашевского мастера и доверенного» Варгашинской артели, Зверев надеялся на то, что инструктор добьется от них согласия «от Василков отступить». «Просим вас, – обращался он за посредничеством, – посодействовать, чтобы они делали по совести, не лезли против Кабанской Артели».

А закончил мастер свое письмо к инструктору приятным известием: 5 декабря 1904 г. Кабанская артель присоединила «в товарищество деревню Максимкову совокупным взносом по 1 руб. с коровы». Этим же известием делился он в своем последнем письме-«донесении» к Балакшину. В артель кроме Максимково вступила «остальная половина Василков». Следовательно, наиболее упорная часть василковцев смогла побороть свой скептицизм и поверить в силу артельного единения. Зверев сообщил, что для заключения договора артель попросила вместе со своими представителями съездить и моревского волостного старшину. «Он не отказался поехать, у нас дело вышло хорошо». Загвоздка вышла только с заверкой договора из-за отлучки сельского старосты. Поэтому договор пришлось оставить в Максимково, и потом мастер каждый день напоминал доверенному Шумилову о необходимости его забрать. Но тщетно: сдвинуть с места доверенного не удалось. «Его сшевеливать все равно как корову на баню садить, не могу сшевелить», – с едкой насмешкой сообщает мастер. Выясняется к тому же, что на доверенного оказывает влияние его жена. Она, мол, противилась расширению артели и открыто заявляла артельщикам: «На какой вам черт принимать их в артель, себе лишней работы и хлопот» создавать. Понятно, что жена тут больше беспокоилась за мужа: ведь хлопот бы прибавилось у доверенного в первую очередь.

Между тем заводчик Мякинин поспешил воспользоваться замешкой и свое поражение в Василках компенсировать за счет Максимково. Приехав туда 14 декабря, он пообещал на сходе на более выгодных против артели условиях принимать молоко и в подкрепление обещания выставил выпивку «на угощение обществу». Мастер опасался, чтобы от таких посулов с явным подкупом мужики в Максимково не отступили от своего решения войти в артель.

Под конец года заканчивался срок договоров у мастера и доверенного. По словам Зверева, артель приглашала его на новый срок, а вот к доверенному имела немало претензий. «Поэтому к будущему году желают его сменить», но, как оказалось, подходящей кандидатуры еще не подыскали, «некого выбрать». И вот 15 декабря 1904 г. Зверев обращается в организацию с просьбой выслать бланки «для выбора доверенного и наемки мастера». Причем он просит выслать их в пакете на свое имя, отнюдь не ставя в известность доверенного Шумилова.

«Дела идут превосходно»

Увы, на этом интригующем моменте завершается переписка мастера Зверева. Но узнать, какой оборот приняли ближайшие события, все же удается с помощью письма инструктора организации Н. Малошийченко к сыну А. Н Балакшина Андрею Александровичу, помогавшему отцу в руководстве правительственной организацией. 29 января 1905 г. инструктор, описывая впечатления от своих обследований ряда артелей, сообщил: «Проездом заезжал в Кабанью, где составил отчет за три месяца (видимо, с октября по декабрь 1904 г. – Н. Т.), дела идут превосходно». Выход составил 20 пудов. Следовательно, мастеру Звереву удалось снизить расход молока на приготовление 1 пуда масла. Не от того ли, что жалобы на отсутствие ареометра прекратились и наладился контроль качества молока? Тем не менее выясняется, что с января 1905 г. «доверенный оговорен тот же, а мастер новый». Им стал Иван Иванович Руманов, который до этого трудился на Лихачевском артельном заводе. Как видно, Зверев не пожелал при прежнем доверенном оставаться в Кабанье и не возобновил договора с артельщиками, предпочтя наняться на другой завод.

Шло время. Правительственная организация по устройству артелей, проработав 6 лет, была закрыта. Но возникла на смену уже не казенная организация, а кооперативное объединение – Союз Сибирских маслодельных артелей (ССМА) во главе с тем же А. Н. Балакшиным. Не сразу, но Кабанская артель вошла в ССМА. В отчете за 1910 г. значилось, что молоко на завод поступало от 3 селений, из которых в двух имелись отделения завода. Конкретно селения не назывались. Так что если Максимково все-таки присоединилось к Кабанской артели, то какое-то покинуло ее. Скорее всего, это были не Василки, а Сычево, поскольку рядом с ним в Пестерево открылась своя артель. Всего в отчетном году было принято 64410 пудов молока. В день порой доставлялось до 400 пудов. Выработанное масло (3129 пудов) было продано за 44440 руб. Так маслоделие превращалось в основной источник дохода для многих крестьян.

На заводе и в отделениях работали 3 сепаратора и 7 наемных рабочих. Лед, как отмечено в отчете, хранился хорошо, а закваска приготовлялась «культурная». Доверенным артели являлся теперь Г. А. Лушников, а мастером Петр Розин. Кстати, доверенный выступал еще как уполномоченный Кабанской артели. В связи с годовым отчетом ССМА он участвовал в общем собрании уполномоченных 23 ноября 1910 г. в Кургане. Еще Лушников входил в состав ревизионной комиссии, которая проверяла деятельность правления (дирекции) Союза, и его переизбрали в эту комиссию на следующий годовой срок. Надо думать, в отличие от Шумилова он вполне устраивал артельщиков и не вызывал нареканий по своей деятельности.

Настоящая публикация освещает лишь небольшой период в деятельности Кабанской артели. При всех особенностях и нюансах, присущих только этой артели, оставалось и немало общего, характерного для всех артелей. Вот почему представляет интерес дополнить настоящую хронику Кабанской артели новыми сведениями. Тогда будут вписаны новые страницы не только в историю одной конкретной артели, но и в историю нашего района в целом.

Страницу подготовил Николай ТОЛСТЫХ.